

Противоречия и шероховатость — вот что придает ценность исторической прозе. Найти форму, а не навязать форму. И позволить читателю жить с неоднозначностью. Томас Кромвель — персонаж, для которого это особенно важно. Он почти что эталон неоднозначности. Есть Кромвель популярной истории и Кромвель академической науки, и это два разных человека. Мне удалось объединить два лагеря, и теперь подоспели новые биографии Кромвеля, от популярных до самых строгих и научных. Так что у нас будет непротиворечивый Кромвель... возможно.

Хилари Мантел

Портрет Томаса Кромвеля, созданный блистательной и самобытной писательницей, ниспровергает все каноны и вполне заслуженно получил Букеровскую премию.

*Ф. Д. Джеймс
(Sunday Telegraph: Books of the Year)*

История Тюдоров, написанная мастерски и с большим знанием дела. Творение одного из лучших современных литераторов, этот грандиозный труд исследует психологию, политику и религиозное ханжество бурной эпохи Генриха VIII.

*Кейт Мосс
(The Times)*

Настолько ново и неожиданно, что наши взгляды на историю и литературу уже никогда не будут прежними.

*Том Холланд
(Sunday Telegraph)*

Удивительно, как Мантел воспроизводит язык и быт прошлого. Она перерывает исторические материалы и выкапывает мельчайшие, самые выразительные детали, воссоздающие прошлое как вьювь. Диалоги настолько убедительны, что кажется, она в прежней жизни стенографировала разговоры в английских дворцах и тавернах.

*Росс Кунг
(Los Angeles Times)*

Книга поистине завораживает. Написано виртуозно, с глубоким знанием эпохи; за счет богатейшей фактуры тюдоровский Лондон и окружение человека, идущего в гору, воссозданы с удивительным правдоподобием. Персонажи, как реальные, так и вымышленные, от ребячески упрямого короля до кардинальского шута обретают жизнь и замечательно передают буйный дух эпохи.

К. Дж. Сэнсом
(автор романа «Горбун лорда Кромвеля»)

Масштабное полотно с тончайшей проработкой деталей, композиция из множества персонажей, лапидарный стиль, создающий мощный эффект присутствия, остроумие, поэзия и богатство оттенков.

Сара Дюнан
(автор «Рождения Венеры»)

Превосходная, великолепно выстроенная книга, от которой невозможно оторваться. Роман, буквально переносящий нас в тюдоровские времена, — и мы жадно ждем, что же будет дальше. Рождение английского мира; как это может не волновать?

Хелен Данмор
(автор «Изменника»)

Увлекательный пересказ знакомой истории в непривычном ракурсе — мы проживаем драму пятивековой давности как современную и животрепещущую.

The Times

Поразительно свежо. Бесподбно.

Sunday Telegraph: Books of the Year

Назвать «Вулфхолл» историческим романом — все равно что назвать «Моби Дик» книгой о китобойном промысле, и все же Букеровское жюри приняло совершенно правильное решение. Мантел — изумительный писатель, тонкий стилист, соединяющий абсолютную точность с захватывающей глубиной погружения, и одновременно тонкий наблюдатель человеческой природы. «Вулфхолл» завораживает, заставляя долго и напряженно думать о законе, порядке, о сущности власти.

New Statesman: Books of the Year

Лучший Букеровский лауреат за много лет. Насыщенная атмосфера, смелый повествовательный стиль, безусловный шедевр.

Scotsman: Books of the Year

Соединяя современное понимание зла с иронией, Мантел переносит нас прямоком в разум человека XVI столетия.

The Economist: Books of the Year

Ее Кромвель человечен и правдоподобен, а воссозданный ею двор Генриха VIII пугающе убедителен.

Scotsman: Books of the Year

Смело и захватывающе.

Financial Times: Books of the Year

Богатая, фактурная книга.

Evening Standard: Books of the Year

Блестяще... Тюдоровская Англия Мантел — это сочащееся кровью мясо, кишки и грязь. Мантел заставляет нас задумываться о том, что мы якобы знаем. Есть историческая правда, а есть правда творческая. Мантел, которая в этой книге превзошла себя, чтит и ту, и другую.

Spectator

Ошеломляюще прекрасно. Увлекательное повествование о борьбе за власть и политических махинациях, и в то же время дивно поэтическое, полное ярких образов и фраз. Утонченное волшебство.

Daily Mail

Мантел создает мир настолько конкретный, что чувствуешь запах мокрого шерстяного плаща и колкие стебли тростника под ногами. Мы жадно ждем продолжения, но «Вулфхолл» прекрасен уже сам по себе.

Daily Telegraph

Бесподобно... История успеха, приправленная колоритом эпохи. Планируется второй том, и я жду его с нетерпением Генриха VIII перед дверью в спальню Анны Болейн.

Time Out

Самый волшебный ее роман. Прекрасная, глубоко человеческая книга, темное зеркало, в котором отражается наш мир. И то, что развязка наступит после того, как опущен занавес, лишь доказывает, что Хилари Мантел не только безгранично талантлива, но и безгранично смела.

Observer

Мантел прекраснее всего в мрачных мелочах. Ощущение зла здесь густое, как дым от сожженной человеческой плоти, и от него перехватывает дыхание. Вот на что изредка способно слово в высшем своем проявлении.

Financial Times

Шестьсот пятьдесят страниц кропотливо собранного исторического материала — нарядов, пиршеств и праздников — вкупе со всевозможными интригами. Поэтический язык Мантел превращает трудное чтение в удовольствие.

Marie Claire

Книга такого уровня ошеломляет. Нечто подобное чувствует игрок в покер, когда ему приходит флеш-рояль.

Scotsman

Если вы прежде не читали историческую прозу Мантел, то стоит начать с этой книги. «Вулфхолл» — атмосферный, захватывающий и страшный роман. Хилари Мантел пишет как никто в этом жанре.

Literary Review

«Вулфхолл» прекрасен и как серьезный исторический роман, и как литературный шедевр. Лирично, но при том сочно написанный, соединяющий вымысел и страшную правду, местами очень смешной, роман Мантел не имеет аналогов в современной британской прозе.

Guardian

Великолепно... Никогда еще не было такого сильного фаворита на Букер; не зря говорят, что Мантел наполнила само понятие исторического романа совершенно новым смыслом. В прозе Мантел есть безусловная уверенность Мюриель Спарк, и у читателя не возникает вопросов, откуда она столько знает про те времена, как не возникает сомнений и в ее оценке событий.

Evening Standard

Блистательный исторический роман о приходе к власти человека, которому, казалось бы, очень трудно сочувствовать. Книга, в которой ничто не зря и ничто не исчезает бесследно.

The New York Review of Books

Согласны мы с тем, как госпожа Мантел трактует историю, или нет, ее персонажи обладают собственной жизненной силой, шекспировской мощью. Стилистически ее подход «незримого наблюдателя» достигается через настоящее время, которым она владеет блестяще. Ее проза насыщена и энергична. Диалоги не рядятся в тюдоровскую мишуру, а написаны современным языком. Итог — лучший на сегодняшний день роман госпожи Мантел.

The Economist

Роман, написанный изящно и свежо: великолепный портрет общества в эпоху пугающих перемен, а в центре этого портрета — Томас Кромвель, могущественный советник Генриха. Неудивительно, что эта книга получила Букеровскую премию. Проза Мантел — на удивление упругая и точная.

The Washington Post

Мантел убедительно и мастерски заполняет пробелы. «Вулфхолл» эпичен по масштабам, однако написан очень лирично. Пятьсот с лишним страниц летят быстро, как сокол. Мантел, юрист по образованию, видит неопцененный героизм умелого управленца в повседневном служении упорядо-

ченному обществу — не воинственному средневековому уделу и не, боже нас сохрани, утопии... «Вулфхолл» Хилари Мантел разом увлекателен и жизненен.

The New York Times Book Review

Мантел интересуют вопросы добра и зла в применении к людям, наделенным огромной властью. Отсюда ненависть, ликование, сделки, шпионы, казни и роскошные наряды... Она всегда стремится к цвету, богатству, музыке. Она внимательно читала Шекспира, но слышны и отзвуки молодого Джеймса Джойса.

The New Yorker

Мантел не просто приближает прошлое, а одним махом переносит нас туда своей искусной и мрачной прозой. Мы — путешественники во времени, очутившиеся в чужом мире... Интриги и переживания далекой эпохи превращают книгу в долгое изысканное удовольствие.

The Boston Globe

Шедевр исторической литературы, «Вулфхолл» рисует точный портрет страны и ее народа. Он олицетворяет то, что последнее время казалось таким же мифическим, как принцессы-змеи: великий английский роман.

Bloomberg News

Мантел исследует темные течения политики XVI века и создает на удивление современного персонажа и конфликты. «Вулфхолл» временами трудно читать, но оно того стоит.

The Christian Science Monitor

История Кромвеля оживает в динамичной и умной прозе госпожи Мантел... Мантел берет традиционный исторический костяк и наращивает на него фантазмагорическое разнообразие трудов и тактик, успехов и уловок своих героев.

Washington Times

Не бывает новых историй, есть только новые способы их рассказать. Этот роман, действие которого происходит в бурную эпоху Генриха VIII, столько раз изображенную в литературе, показывает, насколько много может дать новый подход. Мантел как писатель дерзновенна не меньше Анны Болейн; она сочиняет личные разговоры известных людей, и они читаются так, будто она их подслушала.

People Magazine

Любители исторической прозы — и великой литературы — должны визжать от восторга.

USA Today

Для внимательного читателя этот шедевр полон драгоценных камней. Каждая мелкая подробность сверкает поэзией. «Вулфхолл» называет вещи своими именами, не приукрашивая суровую правду; он сложен, как его тема, и временами жесток, как сама жизнь.

The Boston Phoenix

Часть обаяния «Вулфхолла» состоит в ощущении современности его событий. Это тугое сплетение интриг, а исторические фигуры кажутся как никогда живыми и человечными!

Miami Herald

Искусно сплетая историю и вымысел, Мантел рисует грандиозную картину тюдоровской Англии. Блестяще выстроенный сюжет и захватывающие диалоги — «Вулфхолл» разом точен и увлекателен.

St. Louis Post-Dispatch

На сцене истории выступает монарх, но кто-то должен за кулисами управлять всем балаганом. Для Генриха VIII этим человеком был Томас Кромвель, по крайней мере часть его царствования. У Генриха был свой способ избавляться от надоевших приближенных — топор, — и многие его советники сложили головы на плахе. Кромвель (очень дальний родственник Оливера Кромвеля, который тоже многих казнил) эффективно привел в исполнение грандиозный королевский проект по отделению церкви от Рима, но в конце концов навлек на себя гнев раздражительного Генриха (того самого, у которого было столько жен!) и был казнен. Большинство американцев простительно путает Кромвелей, но англичане знают, что это два разных человека. Томаса обычно изображают хитрым безжалостным негодяем, который уничтожал монастыри и преследовал реальных и мнимых врагов короля, мешавших тому подмять под себя католическую церковь в Англии. Все это происходило в XVI веке, когда Англию раздирали религиозные споры, а король все не мог дождаться наследника. Генрих был женат на Екатерине Арагонской, испанке, вдове его старшего брата, и та никак не могла родить сына. У нее была только дочь, Мария, которая позже наделала столько бед. С помощью Кромвеля Генрих променял Екатерину на более молодую и теоретически более плодovitую Анну Болейн. Хотя вся история больше отдает коневодством, любители королевских особ ей упиваются. Она романтизирована и мифологизирована, и часто человеческое измерение заслоняет все остальное. Хилари Мантел блистательно восстановила историческое измерение в этом чрезвычайно самобытном романе, вымышленной биографии Кромвеля, получившей в сентябре Букеровскую премию. «Вулфхолл» вдыхает жизнь в мир пятисотлетней давности и через главного, тщательно прописанного героя, и через его окружение. Многие в романе касаются повседневной жизни XVI века: кухонной утвари,

изготовления одежды, но в первую очередь — семейной жизни, которая изображена особенно ярко и сочно. Погрузившись в прозу Мантел, вы окажетесь в мире Кромвеля и увидите его с той полнотой, какую дает только литература.

Pittsburgh Post-Gazette

В отличие от аристократов, для которых престолярное — почти инопланетная раса, Кромвель помнит жизнь простых людей и насущные нужды страны: дороги, лучшее питание, даже карты... Мантел пишет ясно и без лишних ухищрений; она воссоздает эпоху, не прибегая к архаичной речи. Огромная подготовительная работа нигде не выпирает на поверхность, но мелкие подробности рисуют осязаемую картину. Действие в значительной мере состоит из диалогов, ведь для Кромвеля слова — хлеб насущный... Читатели, которых расстроит, что этот увлекательный, сочный и часто смешной роман закончился, будут с нетерпением ждать продолжения.

Portsmouth Herald

Есть знаменитый портрет кисти Ганса Гольбейна-младшего: богато одетый Томас Кромвель, примерно в 1534 году, с листком бумаги в руке восседает перед столом с инструментами, которыми он писал письма для Генриха VIII и составлял проекты его законов. В «Вулфхолле» этот портрет служит для острого, как кинжал, момента истины. Главные герои книги прорисованы со жгучей точностью. Их подковерная борьба изображена с неослабевающим накалом в книге, где несколько идеально подобранных слов заключают в себе бездонные глубины смысла. Дьявольски точные и ядовитые фразы госпожи Мантел были бы пустой трескотней, если бы за ними не стояли скрытые мотивы героев. Однако она сумела убедительно поставить Кромвеля на дружескую ногу с монархом и морально оправдать его борьбу с Мором, образом самопожертвования. «Вулфхолл» — слишком хитрая книга, чтобы принимать высказывания Кромвеля за чистую монету. В конце концов, он — злокозненный советник короля. И всегда себе на уме.

The New York Times

Можно с уверенностью сказать, что романы обращаются к периоду кардинального социокультурного прорыва. Томас Кромвель, по Х. Мантел, не только персонаж истории Англии, во многом определивший этот «дрейф» страны в сторону нового мироустройства, но и личность, которая, по сути, являла собою образ новой страны, нового мышления, отношения к людям, законам, правилам и нормам бытия.

История в представлении Мантел не только политика, политические события и политические фигуры, но нечто более объемное, глубокое, одновременно более сущностное и обобщенное. Мантел понимает, что с точки зрения реконструкции истории важно все ее «тело». Наверное, поэтому

в романе так много того, что называется «реалии», артефакты, физическая субстанция прошлого в ее телесности и осязаемости. Именно при их помощи скорее всего и легче всего реконструируется прошлое.

*Борис Проскурин
(Филологический класс)*

В последние пять лет появилось огромное количество интересных книг, написанных женщинами, но про мужчин. Хилари Мантел — это самый занимательный пример. Она сказала про «Вулфхолл»: «Я была рождена, чтобы написать эту книгу» — и в это легко поверить. Эта книга о Томасе Кромвеле — насколько я понимаю, в мировой культуре он обычно воспринимается как не самый положительный персонаж, но здесь он предстает в совершенно другом свете. В первую очередь это повествование о приключении идей — жанр, особенно ценным Виктором Пелевиным. Помимо политики и жизни Кромвеля мы наблюдаем его чистые и размеренные мысли, это такой герой, с которым себя очень хочется ассоциировать. Причем мыслит он цитатами из Библии, новозаветными понятиями — и это очень интересно. Причем это совершенно нетоскливо и непомпезно, это очень динамичная и захватывающая книга.

*Кирилл Иванов
(Афиша: 100 лучших романов XXI века)*

Читается этот политический экшн, скажем прямо, не всегда легко (а кто сказал, что заниматься интригами в Англии XVI века легко?), но очарование живого, трепещущего исторического действия того стоит. Да и харизма самого Томаса Кромвеля тоже — не обаяние зла, не обаяние наглого выскочки, но почти магические флюиды универсального ренессансного человека-который-кажется-знает-и-умеет-все... хотя, надо признаться, есть в мантелевском Кромвеле и что-то такое от крутых опасных парней из американского кино. В любом случае у Хилари Мантел получилось создать персонаж, в который можно влюбиться, — а это, согласитесь, один из лучших способов выучить историю.

*Мария Мельникова
(Книжное обозрение)*

Вулфхолл — наследный замок рода Сеймуров в графстве Уилтшир. Там в 1535 году Генрих VIII познакомился с Джейн Сеймур, сменившей его вторую жену Анну Болейн, королевский брак с которой — при живой жене Екатерине Арагонской — стоил Англии католической веры. «Автором» этих браков и сопутствующих им невероятных изменений (секуляризации, реформации и, как следствие, выхода Британии из-под воли папы) был Томас Кромвель — главный герой трилогии Мантел. Его придворную карьеру она прослеживает в подробностях (за «Вулфхоллом», посвященным в основном конфликту Кромвеля и Томаса Мора, последуют еще два романа).

Мантел при этом не предлагает никаких постмодернистских ребусов «переведи то время в наше», как это было, например, в «Имени Розы» Умберто Эко. И точно так же нет в ее книге политической назидательности, ради которой пишут такие тексты многие современные романисты (из соотечественников, например, Дмитрий Быков и Леонид Юзефович), у которых прошлое — всего лишь метафора нашего времени, а знаменитые «мертвецы» оказываются всего лишь удобными трансляторами авторских мыслей о современном. Мантел же совсем не интересуется совпадением теперешней картинке с трафаретом прошлого. Вообще, если ее что-нибудь интересует, помимо, собственно, фигуры ее главного героя, — то это то, что называется «судом истории», и его справедливость.

При жизни Томас Кромвель практически официально был «самым ненавидимым человеком в Англии». Жесткость, с которой он закрывал монастыри и подавлял восстания монахов, угнетала даже короля, в пользу которого это все и делалось. При этом Кромвель, как оно часто и бывает, был умным государственным и прекрасным администратором. В противоположность этому мантеловский Томас Мор, отказавшийся принести присягу, признававшую власть Тюдоров над церковью и принявший из-за этого смерть, кажется глупым идеалистом, если не фанатиком, тупо придерживающимся устаревших принципов.

В схожем ключе, например, выворачивая наизнанку вроде бы уже сложившуюся схему «мучитель-мученик», Сергей Эйзенштейн показывает в своем знаменитом фильме взаимоотношения Ивана Грозного (реформатора и государственника) и митрополита Филиппа (консерватора и догматика). Как и Эйзенштейн, Мантел утверждает превосходство жестокого понимания целесообразности над бесполезным идеалистическим упорством.

«Не мертвые преследуют живых, а живые — мертвых. Кости и черепа вытряхивают из саванов, в лязгающие челюсти, как камни, бросают слова. Мы исправляем книги, оставшиеся от покойников, переписываем их жизнь». Если Хилари Мантел и стоило давать беспрецедентных «Букеров» — подряд за первую и вторую часть ее трилогии, — то за это высказывание. За признание своего (то есть писательского вообще) произвола, позволяющего делать давние жизни и смерти козырями в своей игре.

*Анна Наринская
(Коммерсантъ)*

*Моей замечательной подруге
Мэри Робертсон*

СОДЕРЖАНИЕ

Действующие лица	18
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	
I. Через пролив	29
II. Отцовство	41
III. В Остин-фрайарз	55
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	
I. Гости	67
II. Потаенная история Британии	84
III. Попытка не пытка	163
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	
I. Финт с тремя картами	169
II. Мой дражайший Кромвель	203
III. Мертвые сетуют из могил	270
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ	
I. Сделай лицо	283
II. «Ах, чем бы милой угодить?»	332
III. Ранняя обедня	404
ЧАСТЬ ПЯТАЯ	
I. Anna Regina	407
II. Плевок дьявола	466
III. Глаз художника	504
ЧАСТЬ ШЕСТАЯ	
I. Супрематия	509
II. Карта христианского мира	554
III. В Вулфхолл	612
От автора	621
Благодарности	622
Послесловие научного редактора	623
Послесловие переводчиков	627
Примечания. <i>О. Дмитриева</i>	630

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

В Патни, 1500 г.

Уолтер Кромвель, пивовар и кузнец.
Томас, его сын.
Бет, его дочь.
Кэт, его дочь.
Морган Уильямс, муж Кэт.

В Остин-фрайарз, с 1527 г.

Томас Кромвель, стряпчий.
Лиз Уайкис, его жена.
Грегори, их сын.
Энн, их дочь.
Грейс, их дочь.
Генри Уайкис, отец Лиз, суконщик.
Мерси, его жена.
Джоанна Уильямсон, сестра Лиз.
Джон Уильямсон, ее муж.
Джоанна (Джо), их дочь.
Алиса Уэллифед, племянница Кромвеля, дочь Бет Кромвель.
Ричард Уильямс, позже — Кромвель, сын Кэт и Моргана.
Рейф Сэдлер, старший письмоводитель Кромвеля,
воспитанный в Остин-фрайарз.
Томас Авери, домашний счетовод.
Хелен Барр, бедная женщина, взятая в дом.
Терстон, повар.
Кристоф, слуга.
Дик Персер, псарь.

В Вестминстере

Томас Вулси, архиепископ Йоркский, кардинал, папский легат,
лорд-канцлер; покровитель Томаса Кромвеля.
Джордж Кавендиш, помощник, затем биограф Вулси.

Стивен Гардинер, глава Тринити-холла, секретарь кардинала, позже государственный секретарь Генриха VIII; заклятый враг Кромвеля.
 Томас Риотеслей (Ризли), хранитель личной королевской печати, дипломат, протеже и Кромвеля, и Гардинера.
 Ричард Рич, юрист, позже генеральный атторней.
 Томас Одли, юрист, спикер палаты общин, лорд-канцлер после отставки Томаса Мора.

В Челси

Томас Мор, юрист и ученый, лорд-канцлер после падения Вулси.
 Алиса, его жена.
 Сэр Джон Мор, его престарелый отец.
 Маргарет Ропер, его старшая дочь, жена Уилла Ропера.
 Энн Крезакр, его невестка.
 Генри Паттинсон, слуга.

В Сити

Хемфри Монмаут, торговец, арестованный за то, что дал приют Уильяму Тиндейлу, переводчику Библии на английский язык.
 Джон Петит, купец, арестованный по подозрению в ереси.
 Люси, его жена.
 Джон Парнелл, купец, ведущий бесконечную тяжбу с Томасом Мором.
 Маленький Билни, ученый, сожженный за ересь.
 Джон Фрит, ученый, сожженный за ересь.
 Антонио Бонвизи, купец из Лукки.
 Стивен Возн, антверпенский купец, друг Кромвеля.

При дворе

Генрих VIII.
 Екатерина Арагонская, его первая жена, позже именуемая вдовствующей принцессой Уэльской.
 Мария, их дочь.
 Анна Болейн, его вторая жена.
 Мария, ее сестра, вдова Уильяма Кэри, бывшая любовница Генриха.
 Томас Болейн, ее отец, позже граф Уилтширский и лорд-хранитель королевской печати; любит, чтобы к нему обращались «монсеньор».
 Джордж, ее брат, впоследствии лорд Рочфорд.
 Джейн Рочфорд, жена Джорджа.
 Томас Говард, герцог Норфолкский, дядя Анны.
 Мэри Говард, его дочь.

Мэри Шелтон }
 Джейн Сеймур } фрейлины.

Чарльз Брэндон, герцог Суффолкский, старый друг Генриха,
 женатый на его сестре Марии.

Генри Норрис }
 Фрэнсис Брайан } джентльмены, состоящие при короле.
 Фрэнсис Уэстон }
 Уильям Бергтон }
 Николас Кэрю }

Марк Смитон, музыкант.

Генри Уайетт, придворный.

Томас Уайетт, его сын.

Генри Фицрой, герцог Ричмондский, незаконный сын короля.

Генри Перси, граф Нортумберлендский.

Духовенство

Уильям Уорхем, престарелый архиепископ Кентерберийский.

Кардинал Кампеджо, папский легат.

Джон Фишер, епископ Рочестерский, советник Екатерины Арагонской.

Томас Кранмер, кембриджский богослов, сторонник Реформации,
 архиепископ Кентерберийский после смерти Уорхема.

Хью Латимер, священник, сторонник Реформации, позднее епископ
 Вустерский.

Роуланд Ли, друг Кромвеля, позднее епископ Ковентри и Личфилда.

В Кале

Лорд Бернерс, губернатор, ученый и переводчик.

Лорд Лайл, следующий губернатор.

Хонор, его жена.

Уильям Стаффорд, гарнизонный офицер.

В Хэтфилде

Леди Брайан, мать Фрэнсиса; воспитательница новорожденной
 принцессы Елизаветы.

Леди Энн Шелтон, тетка Анны Болейн; воспитательница бывшей
 принцессы Марии.

Послы

Эташ Шапой, дипломат, уроженец Савойи, посол императора
 Карла V в Лондоне.

Жан де Дентвиль, посол Франциска I.

Йоркистские претенденты на престол

Генри Куртенэ, маркиз Эксетерский, потомок дочери Эдуарда IV.
 Гертруда, его жена.
 Маргарет Поль, графиня Солсбери, племянница Эдуарда IV.
 Лорд Монтегю, ее сын.
 Джеффри Поль, ее сын.
 Реджинальд Поль, ее сын.

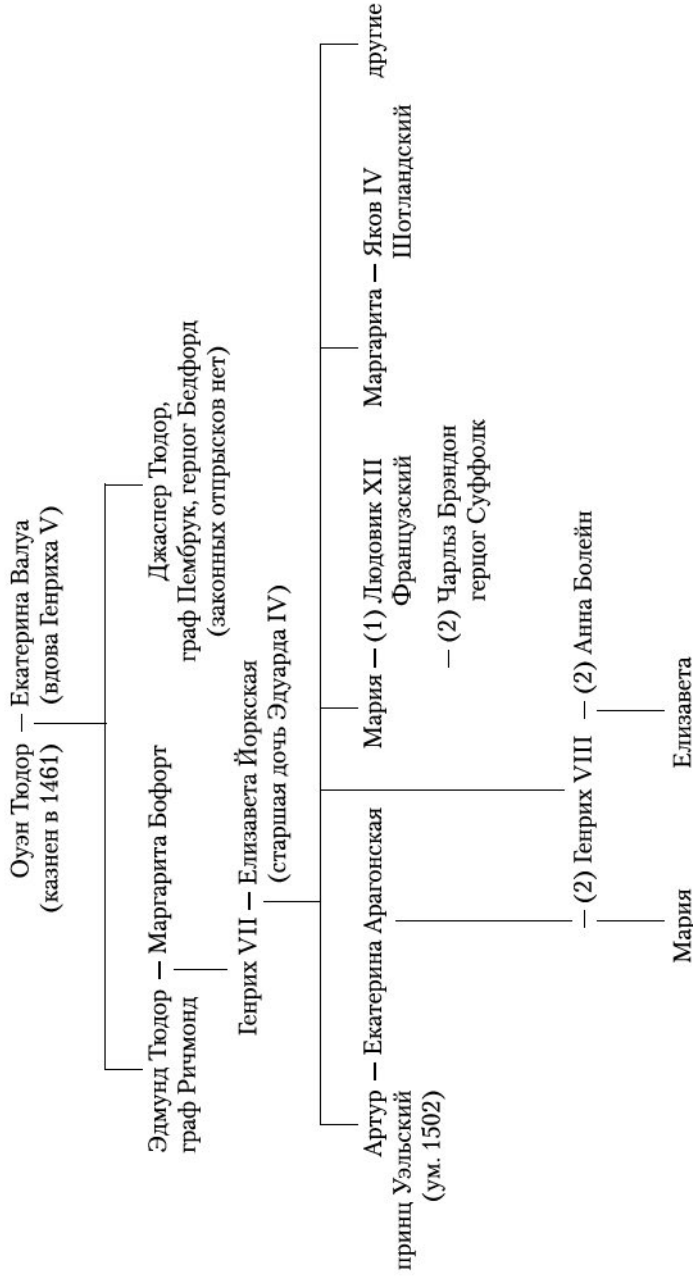
Семья Сеймуров в Вулфхолле

Старый сэр Джон, опозоривший себя связью с женой старшего сына
 Эдварда.
 Эдвард Сеймур, его сын.
 Томас Сеймур, его сын.
 Джейн, его дочь, при дворе.
 Лиззи, его дочь, замужем за губернатором острова Джерси.

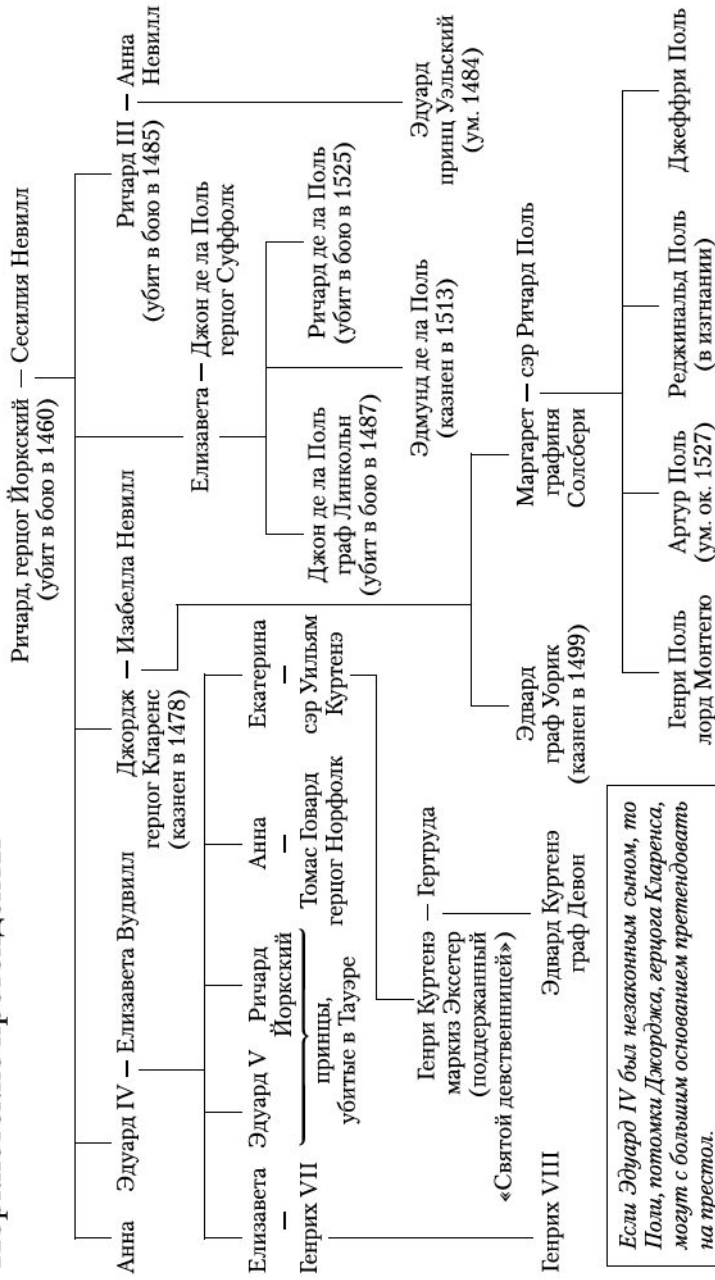
Уильям Беттс, врач.
 Николас Кратцер, астроном.
 Ганс Гольбейн, художник.
 Секстон, шут Вулси.
 Элизабет Бартон, пророчица.

Тюдоры

Йоркистские претенденты

Если Эдуард IV был незаконным сыном, то Польш, потомки Джорджа, герцога Кларенса, могут с большим основанием претендовать на престол.

Сцены бывают трех родов: во-первых, так называемые трагические, во-вторых — комические, в-третьих — сатирические. Декорации их несходны и разнородны: трагические изображают колонны, фронтоны, статуи и прочие царственные предметы; комические же представляют частные здания, балконы и изображения ряда окон, в подражание тому, как бывает в обыкновенных домах; а сатирические украшаются деревьями, пещерами, горами и прочими особенностями сельского пейзажа.

Витрувий.

*Десять книг об архитектуре. План театра.
Перевод Ф. Петровского*

Вот имена действующих лиц:

Счастье	Тайный сговор
Свобода	Учтливое оскорбление
Умеренность	Безумие
Величие	Бедствие
Прихоть	Нищета
Притворное сочувствие	Отчаяние
Лукавство	Подлость
	Надежда
	Исправление
	Осмотрительность
	Стойкость

*Джон Скелтон. Величие. Интерлюдия.
Ок. 1520*

The image features a vertical wooden plank background with a natural wood grain and several knots. The text 'ЧАСТЬ ПЕРВАЯ' is printed in a bold, black, sans-serif font, centered horizontally. The text is partially overlaid by several small, dark metal fasteners or rivets that appear to be securing the planks together. The overall aesthetic is rustic and industrial.

**ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ**

I

Через пролив

Патни, 1500 г.

-**А** ну вставай!
Только что он стоял — и вот уже лежит, оглушенный, ошарашенный, растянувшись во весь рост на булыжнике двора. Поворачивает голову, смотрит на ворота, будто оттуда может прийти помощь. Сейчас его ничего не стоит прикончить.

Кровь из разбитой головы — по ней пришелся первый удар — заливает лицо. Левый глаз ничего не видит. Соцурив правый, он замечает, что шов на отцовском башмаке лопнул. Дратва вылезла наружу, узел на ней и рассек ему бровь. Это был второй удар.

— Вставай же! — орет Уолтер, примериваясь, куда ударить теперь.

Он приподнимает голову на дюйм-другой, ползет на животе, стараясь не выставлять руки, иначе Уолтер на них наступит. Так уже было.

— Ты что, угорь? — спрашивает родитель. Отходит на несколько шагов, разбегается, снова бьет.

Удар вышибает из него дух. В голове одна мысль: это конец. Лоб снова касается булыжников. Сейчас Уолтер начнет его пинать. Белла, запертая в сарае, заходится лаем. Жалко, что я больше ее не увижу, проносится в голове. Двор пахнет пивом и кровью. За воротами, у реки, кто-то орет. Ничего не болит, а может, болит все, и невозможно вычленить отдельную боль. Есть лишь ощущение холода в прижатой к булыжнику щеке.

— Нет, только глянть! — Уолтер прыгает на одной ноге, будто танцует. — До чего ты меня довел! Я порвал о твою башку свой добрый башмак!

Дюйм за дюймом. Дюйм за дюймом вперед. Пусть обзывает угрем, червяком, аспидом. Голову не поднимай, чтобы не злить Уолтера еще больше. Нос забит кровью, приходится дышать ртом. Отец отвлекся на порванный башмак. Минута передышки.

Его тошнит.

— Давай-давай! — ревет Уолтер. — Заблуй тут все!

Заблуй мои добрые бульжники.

— Давай же, вставай! Поднимайся! Святые греховодники! Встань на ноги!

Святые греховодники? Что это значит? Волосы в блевотине, собака лает, Уолтер вопит, над рекой несется колокольный звон. Ему чудится движение: как будто земля стала Темзой. Она вздымается и опадает. Последний воздух со свистом выходит из груди. Ну все, добил мальчика, кричит кто-то Уолтеру. Он закрывает глаза, или их закрывает ему Господь. Глубокая, черная вода уносит его прочь.

Когда мысли возвращаются, он стоит в дверях «Летучего коня Пегаса». Уже почти полдень. Сестра Кэт выходит из кухни с горячими пирогами и едва не роняет поднос.

— Нет, вы только полюбуйтесь!

— Кэт, не ори. У меня голова лопнет.

Она зовет мужа: «Морган Уильямс!» Поворачивается на месте, глаза ошалелые, лицо покраснелось от кухонного жара.

— Заберите у меня поднос! Тело Господне, да куда все подевались?

Его трясет, совсем как Беллу после того, как она свалилась из лодки в реку.

Вбегает служанка:

— Хозяин ушел в город.

— Да знаю я, дура! — При виде окровавленного брата Кэт позабыла все на свете. Она сует девушке поднос. — Пристрой так, чтобы кошки не добрались, не то таких оплеух навешаю — звезды из глаз посыплются! — Освободив руки, она на мгновение сжимает их в страстной молитве. — Опять дрался или это отец тебя изукрасил?

Да, говорит он, кивая изо всех сил, так что кровь брызжет из носа. Да, повторяет он и указывает на себя, словно говоря: здесь

был Уолтер. Кэт кричит, чтобы несли таз, воду, чтобы воду налили в таз, чтобы дали полотенце, чтобы дьявол сию минуту явился и забрал к себе своего слугу Уолтера.

— Сядь, покуда не упал.

Он хочет сказать: я только что встал. Во дворе. Пролежал там час. А может, сутки, и тогда сегодня уже завтра. Только будь это сутки назад, Уолтер бы пришел и убил его за то, что валяется на дороге. А раны бы уже затянулись коркой и сейчас болели сильнее, при каждом движении. По близкому знакомству с башмаками и кулаками Уолтера он знает, что второй день всегда хуже первого.

— Сядь. Молчи, — говорит Кэт.

Приносят воду. Кэт легонько промакивает ему глаз. Оттирает мокрым полотенцем лоб, медленно-медленно, кругами. Она судорожно дышит, ее рука лежит у него на плече. Иногда Кэт вполголоса чертыхается, иногда всхлипывает, гладит ему загривок, шепчет: «Ну-ну, не надо», как будто это он плачет, а не она. Чувство такое, будто он парит, а сестра прижимает его к земле. Зарыться бы лицом в ее фартук и слушать, как стучит сердце, да не хочется пачкать кровью чистую белую материю.

Возвращается Морган Уильямс в парадном городском платье. На широком валлийском лице — готовность немедля ринуться в бой. Очевидно, ему уже рассказали. Морган встает рядом с Кэт, смотрит, долго не находит слов, потом восклицает: «Вот!» Сжимает кулак, трижды потрясает им в воздухе:

— Вот что получит Уолтер. От меня.

— Не подходи к Томасу, — советует Кэт. — Не хватало тебе забрызгать его кровью свое лондонское платье.

Морган послушно отходит. Ему и впрямь жалко марать платье.

— Мне-то что, но ты на себя глянь, малый. В честном бою ты бы его изувечил.

— Какой там честный бой, — ворчит Кэт. — Он подходит сзади, верно, Томас? И чем-нибудь бьет.

— Сдается, сегодня это была бутылка, — говорит Морган Уильямс. — Я угадал?

Он мотает головой. Из носа опять капает кровь.

— Не надо, братец. — Кэт стирает со щеки брызги. Фартук весь изгваздан. Вполне можно было уткнуться в него лицом, хуже бы не стало.

— Значит, ты не видел, чем он тебя ударил? — спрашивает Морган.

— Для того и подходят сзади, ты, магистрат недоделанный, — буркает Кэт. — Послушай, Морган, хочешь, я расскажу тебе про моего отца? Он хватает, что под руку попадет. Иногда бутылку, верно. Я видела, как он бьет мою мать. Даже крошку Бет — я видела, как он бьет ее по голове. А когда не видела, было еще хуже — значит, это он меня бил.

— Удивляюсь, как меня угораздило взять жену из такой семьи, — задумчиво произносит Морган Уильямс.

Это просто присловье. Некоторые мужчины постоянно шмыгают носом. У некоторых женщин все время болит голова. Морган всегда удивляется, что взял жену из такой семьи. Мальчик не слушает, он думает: если отец вот так бил покойницу-мать, может, он ее и прикончил? Нет, тогда бы его забрали. В Патни нет закона, но убийство тут с рук не сойдет. Кэт ему за мать: плачет над ним, гладит по загривку.

Он зажмуривается, затем пробует открыть оба глаза одновременно.

— Кэт, — спрашивает он, — у меня там глаз есть? А то я ничего им не вижу.

Да, да, говорит она, пока Морган продолжает устанавливать факты: это был твердый, довольно тяжелый, острый предмет, но вряд ли разбитая бутылка, иначе Томас увидел бы зазубренный край, когда Уолтер, целя в глаз, рассек ему бровь. Он слушает рассуждения Моргана и хочет объяснить про башмак, про узел на дратве, но так трудно ворочать языком, да оно, в сущности, и не важно. Вообще-то, он согласен с Морганом и хочет пожать плечами, но их пронзает такая резкая боль, что он думает: может, у меня сломана шея?

— Ладно, Том, скажи лучше, чем ты так разолил отца? — спрашивает Кэт. — Если совсем без повода, Уолтер обычно до темноты не начинает.

— Да, — подхватывает Морган Уильямс. — Что послужило причиной?